

— Нет, я пошёл к дяде и тётё, — с лёгкой горечью сказал Хэ Юй. — В то время сиротам полагалась субсидия, не много и не мало — несколько сотен юаней в месяц. Прокормить мелкого пацана можно было и за пятьдесят, так что они были в стабильном плюсе.

— Они плохо с тобой обращались, — констатировал Чу И.

Хэ Юй фыркнул:

— Да слово «хорошо» рядом с ними поставить — уже оскорбление.

— Просто кучка людей, запертых в своей дыре, которые ни разу в жизни не выезжали за её пределы, но мнят себя умниками. Необразованные, думают, что весь мир такой, что ребёнок — это просто ребёнок, с ним можно как угодно, как с вещью.

Чу И смотрел на него, молча слушая этот поток слов.

— Они не знали, что у этого «кролика», которого можно хлестать ремнём и бить по щекам, тоже наступит день, когда он вырастет. И этот день пришёл так незаметно, — Хэ Юй усмехнулся, позабавившись собственным выражением, и вздохнул:

— Тогда я был в пятом классе. Однажды задержался после уроков из-за уборки, вернулся поздно. Они снова собрались меня пороть. Обычно я убегал, но в тот день — нет.

— Мой дядя был пьян, схватил бутылку и замахнулся. Бутылка ударилась об стол и разбилась. Он, разгорячённый алкоголем, продолжил. Я мог увернуться, — Хэ Юй прищурился, на губах играла презрительная усмешка. — Я мог увернуться, но не стал. Я даже нарочно подставил руку. Учитель говорил, что на запястье — артерия, если задеть — крови будет много.

— Осколок вошёл прямо внутрь. Боль была такой, что я чуть не ткнул его тем же осколком в ответ. Но в голове была только одна мысль: «Сейчас остановиться — будет слишком большим проигрышем».

— Шрам на руке — от этого? — Чу И сделал паузу. — До сих пор не сошёл.

— Да, — Хэ Юй взглянул на свою руку. Длинный, уродливый шрам извивался, словно дорога, на тонком запястье. — Раньше в сырую погоду ныл, последние годы зарубцевался окончательно — не болит.

Чу И подушечкой пальца мягко провёл по краю шрама, будто пытается прочувствовать прошлое Омеги, в котором не участвовал. Губы его непроизвольно сжались.

Хэ Юй, не видя его выражения, продолжил:

— Тогда из запястья хлестала кровь. Я лежал на полу, орал что есть мочи, рыдая — наполовину от боли, наполовину чтобы привлечь людей.

— Моя тётка пыталась его удержать, но не смогла. Чем громче я кричал, тем злее он становился и нанёс ещё несколько ударов осколком. Тогда был полный хаос, я только и успевал, что прикрывать лицо, больше ничего не помню.

— Лето, на мне только майка и шорты, я весь в крови. Соседи сбежались поглазеть, трещали, словно стая воробьёв. Я лежал, прикрыв голову, и смотрел на них сквозь щель между рук. Они показывали пальцами, говорили кто что, но никто не подошёл остановить.

Хэ Юй замолчал, сделав лёгкий вдох.

— Жизнь настолько скучна, что любое происшествие — это развлечение. Эти люди так прожили всю жизнь. «Равнодушие» — слишком мягкое слово. Это просто пустая, фальшивая оболочка, внутри которой ничего нет.

В глазах Чу И потемнело. Рука, сжимавшая запястье Хэ Юя, слегка усилила хватку.

Хэ Юй продолжил:

— Потом староста нашей деревни вызвал полицию. Раны выглядели страшно, но я специально избегал опасных мест, поэтому они были неглубокими. В больнице мне просто перевязали, через неделю-полторы всё зажило.

— Но шум вышел большой. Даже в местных новостях показали. Опекунство отобрали, дядю посадили, а меня отправили к бабушке.

Хэ Юй с театральным видом покачал головой:

— И тут начался новый этап испытаний в моей жизни. Я уверен, что ещё стану великим человеком. С самого рождения небеса закаляют мой дух и тело, будет обидно, если я ничего не добьюсь.

— Ты уже многого добился, — сказал Чу И.

— Я тоже так думаю, — Хэ Юй хихикнул, тон его стал легче. — Бабка у меня суеверная, с моего рождения только и делала, что молилась и жгла благовония. Считала, что я — тяжёлая судьба, что навлек на всю семью. Родителей «погубил», теперь и второго её сына в тюрьму упёк, а теперь и её очередь.

— Стоит человеку отойти от материализма — сразу к преступлениям склоняется. Она меня в комнате запирала, не выпускала, еду раз в день давала.

Он выругался:

— Иногда и это забывала. Мой низкий рост точно из-за этого, иначе с моими данными я бы метр восемьдесят был.

— Обязательно был бы, — Чу И мягко откинул его влажные чёлки. Движение было лёгким, но в голосе звучало нетерпение, которого они оба не осознавали. — Как сбежал?

Хэ Юй ответил с явной гордостью:

— Однажды, когда она не заметила, я через щель в двери ухватил её и изо всех сил дёрнул. Она не удержалась, и я вырвался.

— На следующий день моя тётка пришла и устроила скандал, кричала, что она ни на что не годится, раз ребёнка удержать не может. Бабку так взбесило, что у неё инсульт случился. В больнице её сноха денег на лечение давать не стала, и та протянула недолго.

— Полгода она меня держала взаперти. Сбежав, я пришёл к Юань Ли. Его отец и он сам три дня упрашивали мать, и меня оставили пожить, — Хэ Юй вздохнул и усмехнулся. — Если бы не Юань Ли, я бы тогда под мостом пошёл побираться. Такого красавчика, как я, торговцы людьми сразу бы заметили и в какую-нибудь глушь продали.

Юань Ли был самым важным другом в его жизни. Таким, что если бы тот дал ему пощёчину, он, со своим взрывным характером, сначала спросил бы «за что», а не отвечал ударом на удар.

Его чувства к Юань Ли можно было описать так: меня можешь убить, но если тронешь моего брата — я тебя уничтожу. В прямом смысле.

Спустя пару секунд Хэ Юй поставил точку в этом невесёлом детстве:

— Позже дядя вышел из тюрьмы, они с тёткой в машине поссорились из-за того случая, машина врезалась в ограждение канала. Обоих не спасли.

Он сдержался, но не удержался и рассмеялся:

— Прости, не могу не смеяться. Представляешь, в день их похорон я стоял в траурном зале и хохотал так, что не мог дышать, пока староста меня не выгнал.

— Смейся, — мгла в глазах Чу И рассеялась, на губах дрогнула лёгкая улыбка. — Я тоже хочу посмеяться.

— Спасибо, спасибо, спасибо за понимание, — после смеха накатила странная горечь. Хэ Юй глубоко вздохнул, подавив это ничтожное чувство, и легко сказал:

— С тех пор я знаю одну истину — будь добрым, а небеса сами всё взвесят. И это правда.

— Жизнь бьёт тебя, а ты в ответ целуешь её так неожиданно, что ей становится неловко. Вот тогда ты и побеждаешь, — подвёл итог Хэ Юй. — В этом и есть смысл выживания.

Чу И смотрел на него, затем медленно кивнул:

— Верно.

— Абсолютно, — согласился Хэ Юй.

— Брат, я не шучу, но делать добро каждый день действительно полезно. Ты спрашивал, почему я пошёл работать в ОТЕ? Потому что в восьмом классе я спас одного Омегу от бандитов, — Хэ Юй сказал с гордостью. — Ситуация была опасная, меня самого чуть не прибили, но я всё равно выиграл. Было очень круто.

— Этот Омега был младшим братом Брата Фэна.

— Позже Брат Фэн нашёл меня и спросил, чего я хочу в награду. Я сказал — хочу денег. Он дал мне два варианта: либо он даёт мне сто тысяч, и мы в расчёте, либо я работаю на него, но он не гарантирует, как долго я проработаю и будет ли мне безопасно.

— Я выбрал второй.

— И не ошибся. Деньги тут платят быстро и стабильно, о такой работе можно только мечтать.

Он выдохнул и осознал, что по делу сказал мало, а всё время говорил о своём детстве, будто нарочно вызывая жалость.

— Кажется, я сильно отклонился от темы, — Хэ Юй почесал нос. — Брат, если хочешь ещё что-то узнать — я всё расскажу.

— Нет, — сказал Чу И. — Достаточно.

Хэ Юю стало немного неловко от такой откровенности, и он сжал пальцы.

— Вообще-то... — он запнулся, но всё же выговорил:

— Я давно хотел тебе сказать... спасибо.

Сказав это, он тут же посмотрел на Чу И.

— За что? — спросил Чу И без изменения в лице.

Хэ Юй с облегчением вздохнул, отвернулся и тихо пробормотал:

— Ну, за это время... ты, эм, очень обо мне заботился, ещё и готовил... И в этот раз, когда я простудился, отвёл в больницу. Хотя это ты мне платишь, а получилось, будто меня как барина опекают... Кхм, просто... спасибо.

Он не был мастером выражений благодарности, но это не означало, что он ничего не чувствовал. Он всё помнил.

<http://bllate.org/book/15494/1374440>